

В. А. Корнеева
Екатеринбург, Россия

СПОРТИВНЫЕ СИМВОЛЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ РЕГИОНОВ

АННОТАЦИЯ. Активное апеллирование к спорту и его символическим ресурсам как инструменту политических и экономических манипуляций происходило на протяжении всего прошлого века. Спорт становится эффективным каналом политической коммуникации, драйвером роста политического статуса страны, региона и политической элиты. В качестве ресурсов «мягкого» политического превосходства региона отмечаем рейтинг местных спортивных клубов, возможность трансферов спортсменов, количественно-качественные показатели спортивной инфраструктуры и ее географию, спортивные «пантеоны», бренды. Кроме «внешнеполитических» имиджевых бонусов для субъекта и страны в целом, спорт являет собой также эффективный институт лоббирования внутрирегиональных интересов. Среди ряда социетальных и агональных функций спорта мы исследуем его ресурсы в конструировании региональной идентичности. В мировой практике часты случаи, когда какой-либо вид спорта в значительной степени влиял на идентичность целых регионов и стран (Каталония, Италия, Бразилия, Аргентина и др.). Налицо превращение спортивной идентичности в политическую. Спортивные символы и «героические пантеоны» превращаются в средства формирования политических идентичностей современной России и ее регионов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: спорт; политизация спорта; «мягкая сила»; идентичность; региональная идентичность; спортивный дискурс; спортивные символы; символическая личность.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Корнеева Вера Александровна, аспирант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620151, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: ya-krasawka@yandex.ru.

Спорт, наравне с искусством, правом, образованием, экономикой, может выступать эффективным инструментом политики «мягкой силы». На страницах периодических изданий мы обнаруживаем ссылки на государственное и административное устройство, политический имидж политиков, мобильность ученых, авангардное искусство, политику памяти и даже русскую кухню как варианты «мягкого» воздействия и российской экспансии [Некоммерческое партнерство...].

Так, ежегодный рейтинг «Глобальной мягкой силы» журнала «Monocle» оценивает страны согласно их политике, дипломатической инфраструктуре, культурным ценностям, возможностям образования и обращения к торговле, не принимая во внимание их финансовую и военную мощь [Soft Power Survey 2013]. На страницах самого журнала мы находим: «The results are in for Monocle's annual Soft Power Survey... We have once again collaborated with the Institute for Government to come up with 30 countries who best attract favour from other nations through culture, **sport**, cuisine, design, diplomacy and beyond». Обращает на себя внимание специальная оценка авторами и исследователями спорта, спортивными достижениями стран при составлении рейтинга бренд-стран.

Ранее в наших исследованиях был отмечен целый спектр характеристик спорта, позволяющих констатировать его явную политизацию. Мы ссылались на коммерциализацию спорта, медийность, мобилизирующие и фасилитирующие его функции, социоэмоциональность, этничность и внерелигиозность спортивных состязаний. Очевидно, что большая часть характеристик спорта, задействованных в политических и экономических интересах, носит социетальную и агональ-

ную природу. В настоящей работе мы делаем попытку дифференцировать спортивный ресурс в процессе и технологии конструирования региональной идентичности.

Феномен региональной идентичности обычно определяется через отождествление индивида или группы с некой территориальной общностью, которая в процессе своего развития приобрела ряд особенностей ценностного, символического и даже поведенческого плана [Назукина 2014]. Специфика региональной идентичности определяется ее гибридной природой, а также многоуровневостью, многокомпонентностью и зависимостью от наличного политического курса [Головнева 2014: 199]. Различные дискурсы в рамках региональной идентичности реализуются не только непосредственно, спонтанно, но и создаются целенаправленно, конструируются усилиями политической и культурной элиты. Настоящая работа посвящена ресурсным возможностям спорта в качестве важного элемента в социальной инженерии региональной идентичности. Мы предлагаем рассматривать спортивный дискурс в рамках региональной идентичности, где спорт — самостоятельный предмет и источник культуры. Данный концепт региональной идентичности выражает инструменталистский подход к ней, где допускается возможность ее конструирования и манипуляций с ее содержанием. Подобное администрирование региональной исключительности предполагает, по словам Е. В. Головневой, «целенаправленное создание политического дискурса, конструирование новых значимых идентичностей, превращающих культурные и символические различия в политические» [Там же: 202].

Политической и региональной элите полностью доступны спортивные ресурсы

для их актуализации в качестве элементов возвращаемой региональной идентичности. Личности спортсмена, тренера, судей и менеджеров, а также спортивные клубы, группы болельщиков, массмедийная и сетевая природа спортивной информации, спортивные бренды, практики и состязания в их национально-культурологической традиции — разнообразная палитра спортивных ресурсов и инструментов в рамках политического дискурса [Корнеева 2014б]. Динамика и география спортивной инфраструктуры таким же образом относится к «ансамблю» спортивных ресурсов, а по словам Е. В. Головной, «с изменениями физического пространства меняются и ценностные представления, символы, жизненный уклад и социальные отношения индивидов» [Головная 2014: 203].

Вместе с этим в регионах редко одним из лидеров-идентификаторов является спорт. Обычно это место занимает история, культура, производство. Вот пример записи в тематическом блоке, подтверждающий слабое культивирование спортивного наследия и достижений Свердловской области: *«Немного обидно, что должным образом по ТВ не освещают строительство спорт. объектов в России, можно сказать вообще ничего не говорят А, на самом-то деле, в России за последние годы произошла не побоюсь сказать „революция“ строительстве строй. объектов. Настолько, что с нашей нищей Украины в Россию пачками тренироваться едут»* [Сделано у нас].

Кроме того, содержание регионального спортивного дискурса самым непосредственным образом способно повышать рейтинг региона, его политического руководства, быть инструментом PR-кампаний как для самих спортсменов и политиков, так и для реанимации политических, спортивных «трупов» [Корнеева 2014б]. Важно, что спортивная тематика является в условиях российской действительности более нейтральным, *нонконфликттогенным* видом и способом социальных идентификаций, в сравнении с этнической, политической и даже конфессиональной поляризациями в групповом самосознании [Корнеева 2014а]. При грамотной «аранжировке» возможно нивелирование невыгодных и конфликтногенных для региона и его лидеров дискурсов в региональной идентичности, снижение градуса политического и социального протеста.

Деятельность по созданию спортивного имиджа региона должна апеллировать к *спортивным символам и образам*, наполненным эмоциональным, духовным и даже художественным содержанием. С. П. Поцелуев отмечает, что «индивиды, принимая и

отчасти конструируя свою политическую идентичность, отождествляют себя не с людьми как таковыми, не с конкретными событиями, а с людьми и событиями, приобретшими для них символическое значение <...> людям нужны не объективные истины, а „сгущающие“ символы» [Поцелуев 2001: 107—108]. Спортивная символика, достижения, проекты, архитектурные объекты и, главным образом, спортивные лидеры и герои — всё это может служить *когнициями*, выстраивающими общий идентификационный конструкт как психологическую защиту в мире, где царствуют отчуждение и мобилизация социальных групп для защиты своих интересов.

Из наличного на сегодняшний день спортивного достояния, которое можно задействовать в региональном брендинге и идентификации, вспомним следующие спортивные проекты и традиционные соревнования Екатеринбургa и Свердловской области: чемпионат мира по футболу — 2018, забег на бизнес-центр «Высоцкий», Europe Asia International Marathon, Майскую прогулку, Кубок Б. Н. Ельцина по волейболу, состязания «Уральские медведи», «#voural», «Уральский характер» и др. Отдельными идентификаторами могут выступать спортивные центры, горнолыжные комплексы, СДЮШы и дворцы («Екатеринбург-ЭКСПО», ДИВС, «Уралочка», «Динамо», «Урал», «Изумруд», «Уктус», «Лысяя», «Волчиха», «Белая»), команды (БК «УГМК», ВК «Уралочка-НТМК», МФК «Виз-Синара», ХК «Автомобилист» и др.), а также мемориальные доски, памятники и улицы, посвященные выдающимся спортсменам, спортсменам-ветеранам.

Спортивную версию региональной идентичности можно обнаружить в субъектах РФ и других регионах мира. Так, в Республике Башкортостан есть пример успешной актуализации идентичности именно через культурных героев: носящий имя одного из них хоккейный клуб стал брендом Башкортостана (ХК «Салават Юлаев» [Бедерсон 2013: 88]). Имя героя заполняет символическое пространство Башкирии, однако историческая личность Салавата Юлаева не имеет отношения к спорту. Этот региональный пример политики идентичности демонстрирует колоссальную силу, которой может обладать актуализированный *«героический пантеон»*. Можно предположить, что, наряду со спортивными проектами, традиционными соревнованиями и мероприятиями, а также узнаваемыми спортивными клубами и центрами, *персональный «культ» личности спортсмена прошлого/настоящего может*

выступать территориальным маркером. В данном случае ставка в политике уникальности будет сделана на персонифицированную идентичность.

В контексте нашего исследования очевидно, что в палитру региональных идентификаторов могут входить традиционные и всем знакомые спортивные герои. Политико-культурная эксплуатация образа личности успешного спортсмена — новая тенденция в политике идентичности на региональном уровне в России [Бедерсон 2013; Назукина 2014]. Так, К. В. Киселев в своей монографии указывает на необходимость решения вопроса идентификации граждан с людьми и символами настоящего времени [Киселев 2007: 250—253]. В качестве идентификаторов для Свердловской области автор предлагает использовать и фигуры из спортивной жизни региона. В качестве личности-символа К. В. Киселев рассматривает С. Чепикова: «Как идентифицирующий символ он более интересен, ибо значим для всей области. Великий биатлонист не связан с какой-то одной сферой деятельности <...> он перерос спорт» [Там же: 251]. В заключение исследователь жалеет о «географическом» уходе Кости Цзю и А. Попова. Перспективным с точки зрения «инкубатора» людей-символов автор считает баскетбольный клуб «УГМК» и волейболисток «Уралочки».

От себя отметим, что именно мобильность спортсменов не позволяет им быть достаточно устойчивыми и эффективными как *региональными*, так и *национальными опознавателями*. Здесь мы вправе констатировать негативное влияние высокой мобильности спортсменов на политический процесс конструирования локальной, региональной идентичности. И наоборот, обнаруживаем обратный, явно выраженный внешний положительный эффект для принимающей стороны: регион — «реципиент» спортсменов оценивается как более привлекательный, с потенциально благополучным экономическим климатом. Экс-регион, кроме того, получает себе конкурента на национальных состязаниях. Спортсмен, таким образом, представляет собой транснациональный продукт и прежде всего ресурс экономической мобильности. За внутренними «потоками» спортсменов стоит вопрос регионального авторитета и престижа.

В связи с «текучестью» спортсменов как потенциальных символов территорий необходимо признать, что *спортивная идентичность регионов — динамический инструмент*. В данных условиях региональным руководителям перспективно, во-первых, позиционировать субъект в качестве родины

узнаваемого героя («местные», «свои», «наш»); во-вторых, выстроить некоторый общий базовый конструкт, в основании которого была бы заложена идея «колыбели» спортивной «цивилизации», не нуждающейся в персонификации спортивных достижений.

В контексте нашего исследования следует рассмотреть работу К. В. Киселева и А. Ю. Щербакова. В статье, посвященной факторам региональной идентификации (на примере Челябинской области), они описывают *спорт в структуре идентичности населения*: «Обращает на себя внимание значительная доля идентификационных характеристик, связанных с промышленностью и спортом, что достаточно редко встречается в регионах РФ». Можно предположить, что ресурс спорта как «мягкой силы» мало задействован в формировании региональных идентичностей, поскольку, по экспертным данным, спорт не репрезентируется в менталитете населения на региональном уровне. Авторы продолжают: «Со спортом в массовом сознании сложностей нет, а потому развернутых высказываний о нем не очень много. Традиционные: „Спорт, челябинский „Трактор“, „Спортивные сооружения наши, европейского уровня“, „Спорт, спортивные достижения“, „Построена новая арена „Трактор“» [Киселев, Щербаков 2014: 114—115].

Если считать спорт одним из ключевых ресурсов и активных инструментов в палитре национальной *soft power*, раскрывать и описывать его возможные характеристики необходимо с учетом основных идей, лежащих в основании соответствующей концепции. Ключевыми категориями парадигмы «мягкой власти» являются *дискурс соблазна, мобильности, идентичности, символизма, ресурсы коммуникации и социальности*.

Победа сборной команды или местного клуба обеспечивает сиюминутное удовольствие болельщиков. За счет получаемых публикой от массовых зрелищ эмоций, которые и являются самоцелью внутренней спортивной политики сегодня, и происходит искомая *консолидация общества* вокруг спортивных успехов и достижений. Происходит стимулирование патриотических чувств и эмоций посредством спекуляций на спортивную тематику. Речь в данном случае идет как об актуализации клубного и национального патриотизма, так и о реализации агональных функций спорта как культурного явления. Спорт обеспечивает «мягкое» сплачивание общества и выступает его эффективным фасилитатором.

«Регионально» важный спортивный аспект *soft power* в конструировании местной

идентичности — мобильность спортсменов и тренеров. «Трансфер» легионеров, принятие спортсменами гражданства других стран, одновременное курирование наставниками подопечных в разных точках мира — пример экспорта человеческого капитала и человеческого потенциала, а также популяризации местных спортивных школ и традиций. «Поставка» спортсменов — вариант и ресурс «мягкой силы», заключающейся в символической репрезентации образов национальных героев, национального могущества и достоинства. Актуально вести речь и о региональной мобильности спортсменов. Внутринациональная миграция спортсменов и тренеров — символическая демонстрация силы региона, форма его «мягкой» экспансии. В свою очередь, это демонстрирует значимость региона для государства и о проводимой в регионе политике. Можно сделать сравнение с показательными выступлениями: внутригосударственные спортивные состязания демонстрируют уровень развития региона в сравнении с другими субъектами. Механизм действия *sowt power* в данном случае заключается в реальных спортивных достижениях, инвестициях в спорт-индустрию, где конечным продуктом выступает приобретенный статус регионального лидера. М. В. Назукина указывает: «Успехи подобного рода позволяют региону повышать свое присутствие в информационном пространстве, способствуют росту узнаваемости территории, улучшают внутреннюю инфраструктуру» [Назукина 2014: 143].

Особенно важным процесс региональной мобильности представляется для *этнорегиональной идентичности*, актуализация которой подкрепляется прославлением спортсменами своих республик. Успех местных команд и спортсменов — манифестация силы и эффективности республиканской власти и даже своего рода независимости, претензии на автономию. Речь идет об этнорегиональных политических образованиях с выраженной национальной идентичностью, сильным национальным самосознанием. Категории спорта и идентичности в данном случае — ресурсы «мягкой силы». Спортивные клубы и успешные спортивные лидеры — символы национальной идентичности, играющие роль ресурса «мягкой силы».

Приведем пример политической коммуникации регионов посредством *спортивного коммутатора*. Так, в каждый матч между Барселоной и Мадридом из футбольного состязания превращается в битву каталонцев и испанцев. В Каталонии приблизительно 50 % населения (по данным последней статистики) хотят независимости для своего

региона. Слоган FB Barcelona «Mes que un club», что переводится как «Больше чем футбольный клуб», в большей степени фокусирует внимание на политике. Спортсмены продвигают каталанский язык и культуру, также большинство местных игроков участвует в акциях, нацеленных на независимость. Из-за этого матчи с ФК «Реал» всегда накаленные. Последние 3 года при наступлении времени 17:14 весь стадион начинает кричать: «In, inde, independncia», т. е. слово «независимость», напоминая о 11 сентября 1714 г., когда Каталония проиграла войну и присоединилась к Испании. С «Athletico de Bilbao» — та же история. В команде играют только баски, не принимаются иностранные игроки или «испанцы». Спортсмены тоже выражают стремление к политической независимости и продвигают эту инициативу.

Год назад «Барселона» играла с «Атлетикам» на финале Кубка короля (Кубок на лучшую команду Испании), и в момент начала матча, когда начал играть испанский гимн, весь стадион, наполненный каталонцами и басками, начал свистеть, чтобы заглушить гимн. По этому поводу разгорелась большая полемика в СМИ. На Первом канале Испанского телевидения во время исполнения гимна отключили микрофоны стадиона, чтобы не было слышно фанатов [RTVE; Блог Павла Копачева...].

Можно утверждать, что ангажированность спортивных тем с точки зрения этноцентрической идентичности является «мягким» инструментом ее конструирования и поддержания ее мобилизационных ресурсов. Местная спортивная элита, спортивная символика могут стать очагами консолидации этнорегиональных общностей и формирования регионального патриотизма (этноэватического патриотизма). Актуализация региональной идентичности у представителей «титულიной» нации детонирует всплеск прежде всего этнорегионального патриотизма.

Межрегиональная спортивная конкуренция за общий имидж территории и ее руководителей осуществляется и в форме борьбы за право проведения спортивных мероприятий. Реализованный проект может войти в общий набор уникальных явлений региона и долгое время служить его «брендом» (Сочи, Казань). Подобного рода капитализация спортивных ресурсов приносит пролонгированный и накопительный эффект: инвестиции и инфраструктура регионов/городов привлекают крупные спортивные мероприятия и в будущем. Спортивная инфраструктура не только мобильна в своем появлении, развитии и обновлении (например, конструирование стадионов-трансфор-

меров), но и выступает имиджевым, брендовым продуктом на региональном/национальном уровне.

Клубный успех демонстрирует *исключительность региона (республики)*. Речь ведем о внутривнутриполитических аспектах спортивной геополитики России. Межрегиональная конкуренция, борьба за реализацию спортивных проектов и развитие спорта на местах — проектная активность федерального центра. Успех местных команд и спортсменов — символическая манифестация силы республиканской власти. «Сцепленность» спорта с регионом и их совместное рейтинговое движение — яркий пример политизации спорта и заложенного в нем и его ресурсах потенциала гибридной идентичности. Рейтинговое движение клубов — проекция социально-экономической мобильности региона, а успех местных клубов — вариант «мягкого» властвования.

Нам представляется, что в практике конструирования региональной уникальности, специфичности необходимо использовать спортивные ресурсы: бренды, символы, проекты. В типологии М. В. Назукиной указывается на существование двух моделей трансформации региональной идентичности: консервативной и инновационной [Назукина 2014: 144]. *Включая спортивные объекты и символы в идентичность российских территорий, регион движется по инновационному пути.* Это связано с отсутствием в нашей стране глубокого спортивного историко-культурного наследия. Спортивные достижения популяризируют нашу страну и ее территории лишь со времен СССР, где спортсмены и тренеры считались *национальным достоянием* Родины.

Региональная и территориальная «безликость», наличие ряда факторов, противодействующих консолидации общества, полное отсутствие идеологии, духовное обнищание нации требуют не только соответствующих явных управленческих решений политических институтов власти, но и применения инструментов «мягкого» лоббирования и внедрения интегративных конструкций со стороны политической, региональной элиты, а также гражданского общества. Путь к консолидации российского общества на всех его уровнях лежит через трансформацию политической идентичности, которая в качестве важного источника может интегрировать спортивную исключительность регионов. Разнообразные ресурсы спорта, в том числе символика, при включении их в

структуру идентичности населения являют собой неконфликтотогенный и динамичный когнитивный продукт в реализации региональных интересов и стратегических задач по управлению развитием общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бедерсон Д. В. «Героический пантеон» и противоречия региональной идентичности Башкортостана // Научный ежегод. Ин-та философии и права Урал. отд-ия РАН. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 87—97.
2. Головнева Е. В. Многообразие дискурсов региональной идентичности // Изв. Урал. фед. ун-та. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 123, № 1. С. 198—203.
3. RTVE : информ. портал. URL: <http://www.rtve.es/noticias/20121008/clamor-masivo-camp-nou-independencia-cataluna-pleno-clasico/568322.shtml> (дата обращения: 12.11.2015).
4. Блог Павла Копачева и Вячеслава Самбура о биатлоне и не только : информ. портал. URL: <http://www.sports.ru/tribuna/blogs/russiateam/835880.html> (дата обращения: 12.11.2015).
5. Сделано у нас : информ. портал. URL: <http://www.sdelanounas.ru/blogs/30252/> (дата обращения: 16.11.2015).
6. Капицин В. М. Символы национальной идентичности как ресурс «soft power» // Дискурс-Пи : науч. журн. / учред. Урал. отд-ие РАН, Ин-т филос. и права ; под ред. О. Ф. Русаковой. — Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2014. № 1 (14). С. 113—118.
7. Киселев К. В., Щербаков А. Ю. Региональная идентичность в социологическом измерении: челябинский случай // Научный ежегод. Ин-та филос. и права Урал. отд-ия РАН. — Екатеринбург, 2014. С. 110. URL: <http://yearbook.uran.ru/images/kiselev13.pdf> (дата обращения: 12.09.2015).
8. Киселев К. В. Актеры и тренды региональной политики: политическая ситуация в Свердловской области в электоральном цикле 2003—2007 гг. — Екатеринбург : УрО РАН, 2007. 376 с.
9. Корнеева В. А. Конфликтотогенные и неконфликтотогенные векторы развития современного спорта в рамках государственной стратегии Российской Федерации // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира : материалы 2-го С.-Петерб. междунар. конгресса конфликтологов (С.-Петербург, 3—4 окт. 2014 г.). — СПб., 2014а. С. 358—361.
10. Корнеева В. А. Спорт как решение проблемы в политической консолидации регионов // Педагогическое образование в России. 2014б. № 10. С. 29—35.
11. Корнеева В. А. Виды и ресурсы спортивной мобильности как инструменты soft power в реализации интересов национальной и региональной политики стран // Дискурс-Пи : науч. журн. / учред. УрО РАН, Ин-т филос. и права. 2015а. № 2 (19). С. 64—72.
12. Корнеева В. А. Спорт как национальный ресурс soft power // Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О. Ф. Русаковой. — Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2015б. С. 124—131.
13. Назукина М. В. Новые тенденции в политике идентичности на региональном уровне в России: акторы, специфика, тренды // Науч. ежегод. Ин-та филос. и права Урал. отд-ия РАН. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 137—150.
14. Некоммерческое партнерство «Международная академия Дискурс Исследований». URL: <http://www.madipi.ru/> (дата обращения: 16.11.2015).
15. Поцелуев С. П. Символические средства политической идентичности. К анализу постсоветских случаев // Трансформация идентификационных структур в современной России / под ред. Т. Г. Стефаненко. — М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 106—160.
16. Soft Power Survey 2013. URL: <http://monocle.com/search/soft-power/> (дата обращения: 8.12.2014).

V. A. Korneeva
Ekaterinburg, Russia

SPORTS SYMBOLS AS A MEANS OF FORMATION AND TRANSFORMATION OF POLITICAL IDENTITY OF REGIONS

ABSTRACT. *Active appeal to sport and its symbolic resources as a tool for political and economic manipulation took place throughout the last century. Today, sport becomes an effective channel of political communication, a driver of growth of the political status of the country, the region and the political elite. The author considers high rating of local sports clubs, opportunities of transfer of athletes, quantitative and qualitative indicators of sports infrastructure and its geography, sports "Pantheon" and brands as resources of "soft" political superiority of a region. In addition to international image bonuses for the region and the country as a whole, sport may also be an effective institution of lobbying the interests of different parts of the region. Among various societal and agonal functions of sport, the author explores its resources in the construction of regional identity. It has often happened in the world practice when a kind of sports dramatically influenced the identity of entire country and regions (Catalonia, Italy, Brazil, Argentina, etc.). In these cases sports identity is transformed into a political one. Sports symbols and "heroic pantheons" turn into a means of formation of political identities of modern Russia and its regions.*

KEYWORDS: *sport; politicization of sport; "soft power"; identity; regional identity; sports discourse; sports symbols; symbolic personality.*

ABOUT THE AUTHOR: *Korneeva Vera Aleksandrovna, Post-graduate Student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Bederson D. V. «Geroicheskiy panteon» i protivorechiya regional'noy identichnosti Bashkortostana // Nauchnyy ezhegod. In-ta filosofii i prava Ural. otd-ya RAN. 2013. T. 13, vyp. 2. S. 87—97.
2. Golovneva E. V. Mnogoobrazie diskursov regional'noy identichnosti // Izv. Ural. fed. un-ta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2014. T. 123, № 1. S. 198—203.
3. RTVE : inform. portal. URL: <http://www.rtve.es/noticias/20121008/clamor-masivo-camp-nou-independencia-cataluna-pleno-clasico/568322.shtml> (data obrashcheniya: 12.11.2015).
4. Blog Pavla Kopacheva i Vyacheslava Sambura o biatlone i ne tol'ko : inform. portal. URL: <http://www.sports.ru/tribuna/blogs/russiateam/835880.html> (data obrashcheniya: 12.11.2015).
5. Sdelano u nas : inform. portal. URL: <http://www.sdelanounas.ru/blogs/30252/> (data obrashcheniya: 16.11.2015).
6. Kapitsin V. M. Simvol'y natsional'noy identichnosti kak resurs «soft power» // Diskurs-Pi : nauch. zhurn. / uchred. Ural. otd-ye RAN, In-t filosof. i prava ; pod red. O. F. Rusakovoy. — Ekaterinburg : Diskurs-Pi, 2014. № 1 (14). S. 113—118.
7. Kiselev K. V., Shcherbakov A. Yu. Regional'naya identichnost' v sotsiologicheskom izmerenii: chelyabinskiy sluchay // Nauchnyy ezhegod. In-ta filosof. i prava Ural. otd-ya RAN. — Ekaterinburg, 2014. S. 110. URL: <http://yearbook.uran.ru/images/kiselev13.pdf> (data obrashcheniya: 12.09.2015).
8. Kiselev K. V. Aktory i trendy regional'noy politiki: politicheskaya situatsiya v Sverdlovskoy oblasti v elektoral'nom tsikle 2003—2007 gg. — Ekaterinburg : UrO RAN, 2007. 376 s.
9. Korneeva V. A. Konfliktogennyye i nonkonfliktogennyye vektory razvitiya sovremennogo sporta v ramkakh gosudarstvennoy strategii Rossiyskoy Federatsii // Konfliktologiya XXI veka. Puti i sredstva ukrepleniya mira : materialy 2-go S.-Peterb. mezhdunar. kongressa konfliktologov (S.-Peterb., 3—4 okt. 2014 g.). — SPb., 2014a. S. 358—361.
10. Korneeva V. A. Sport kak reshenie problemy v politicheskoy konsolidatsii regionov // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2014b. № 10. S. 29—35.
11. Korneeva V. A. Vidy i resursy sportivnoy mobil'nosti kak instrumenty soft power v realizatsii interesov natsional'noy i regional'noy politiki stran // Diskurs-Pi : nauch. zhurn. / uchred. UrO RAN, In-t filosof. i prava. 2015a. № 2 (19). S. 64—72.
12. Korneeva V. A. Sport kak natsional'nyy resurs soft power // Soft power: teoriya, resursy, diskurs / pod. red. O. F. Rusakovoy. — Ekaterinburg : Diskurs-Pi, 2015b. S. 124—131.
13. Nazukina M. V. Novyye tendentsii v politike identichnosti na regional'nom urovne v Rossii: aktory, spetsifika, trendy // Nauch. ezhegod. In-ta filosof. i prava Ural. otd-ya RAN. 2014. T. 14, vyp. 3. S. 137—150.
14. Nekomercheskoe partnerstvo «Mezhdunarodnaya akademiya Diskurs Issledovaniy». URL: <http://www.madipi.ru/> (data obrashcheniya: 16.11.2015).
15. Potseluev S. P. Simvolicheskie sredstva politicheskoy identichnosti. K analizu postsovetkikh sluchaev // Transformatsiya identifikatsionnykh struktur v sovremennoy Rossii / pod red. T. G. Stefanenko. — M. : Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond, 2001. S. 106—160.
16. Soft Power Survey 2013. URL: <http://monocle.com/search/soft-power/> (date of access: 8.12.2014).

Статью рекомендует к публикации д-р полит. наук, проф. О. Ф. Русакова.